

Романы о бандитской любви

ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ

ЗДРАВСТВУЙ, МУРКА,
И ПРОЩАЙ!

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Здравствуй, Мурка, и прощай! / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-101692-0

Лихая девка Маруся Климова! Не зря она родная дочь вора в законе. Поначалу сама чистила богатых, потом сколотила банду таких же лихих молодых пацанов. Стали они наезжать на цеховиков, бомбили их хаты, брали деньги и золото. Слава о бесстрашной Мурке пошла гулять среди братвы. Но вдруг полюбила она крутого парня Игната, и тут все дела пошли наперекосяк. То менты на хвост сядут, то пацаны на засаду нарвутся. Игнат-то опером оказался и с помощью Мурки банду выследил. Такого братва не прощает, нарвалась Мурка на пулю. Но если у кошки девять жизней, то у Мурки точно две...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В. Г., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101692-0

ЧАСТЬ I

1981—1985 гг.

Глава 1

Холодный ветер швырял в лицо мокрый снег. Продоженные до костей могильщики торопливо орудовали лопатами — забрасывали землей грубо сколоченный гроб.

Марина замерзла, но не холод сотрясал ее хрупкое девичье тело — ее колотила изнутри нервная дрожь. Хоронили ее мать... Нет больше мамы, нет больше самого дорогого на свете человека. И как теперь жить дальше?

— Марина, нам уже пора, пошли!

Тетя Лида взяла ее за руку. Но девушка вырвалась. Она не хотела уходить. Еще оставалась глупая надежда, что мама жива — уснула летаргическим сном, бывает же такое. Сейчас вот проснется, станет стучать в крышку гроба, а могильщики сделают вид, что не услышали. А она точно услышит и заставит их раскопать маму...

— Марина, нельзя так, простынешь ведь, — пыталась вразумить ее тетя.

Но бесполезно. Марина ждала до тех пор, пока над свежим холмиком не возвысился деревянный крест. Только тогда повернулась к могиле спиной...

Старый разболтанный автобус уже уехал — увез провожающих и вместе с ними тетю Лиду. Зато остался ее муж — дядя Слава. Он ждал Марину в своей машине.

Дядя Слава был под стать своему «Москвичу». Худой, угловатый. Лицо узкое, но вытянуто вперед. Узкие губы, выступающие вперед зубы — ни дать ни взять бампер с клыками. Голова такая же лысая, как резина на старых колесах. Ворчливый, скрипучий...

— Да не убивайся ты так, — вздохнул дядя Слава. — Все там будем... А то, что одна осталась, так за это переживать не надо. Мы тебя, девочка, к себе возьмем...

Марина молча смотрела на уходящую под колеса дорогу. «Дворники» отмахивались от бьющихся в стекло сжиженных снежинок. Там, за окном, — холодно, ветрено и мокро. Там, за окном, — промозглый мир, где осталось кладбище с материнской могилой. Мир, где остался отец — вор-рецидивист, ныне отбывающий очередной срок... А в машине тепло. Это совсем другой мир. Дядя Слава хоть и неказистый с виду, но видно, что человек в общем-то положительный. Пьет вроде бы в меру, совсем не курит, матом не ругается. И тетя Лида непьющая. Тоже не курит и не матерится. Оба зарабатывают на жизнь честным трудом. А вот детей у них нет. И никогда не было.

А мама пила. И дымила как паровоз. Но не ругалась, не скандалила. Собутельников в дом не водила. И Марину любила. В свое время бездетная тетя Лида пыталась забрать у сестры дочь, но та ни в какую. Не отдам, и все! Да Марина бы и не бросила мать. Пусть она и пьяница, но ведь мать...

Но нет больше мамы. А Марине всего пятнадцать... «Всего» — это для тети Лиды. Сама-то она знает, что уже может позаботиться о себе. Не пропадет она в этой жизни. Но раз тетя Лида решила ее забрать к себе, почему бы не подыграть ей. Пусть она остается в ее глазах маленькой беззащитной девочкой, которую нужно опекать и оберегать от жизненных невзгод. Тем более что Марина благодарна тетке — та и похороны организовала, и поминки.

Машина остановилась возле маленькой покосившейся избенки. Просевшая крыша, развалившееся крыльцо, поросший травой двор. Здесь и жила Марина вместе с мамой. Жила. Все уже в прошедшем времени.

Людей на поминках было чуть-чуть. В основном забуддыги. Тетя Лида не очень-то старалась скрыть свое пренебрежение к ним. Накормила, налила каждому три раза по сто и выставила за дверь.

Битую посуду оставили в доме. Все, что было более

или менее ценным, загрузили в машину. Не пропадать же добру — рассудила тетка. Марине было все равно. Пусть хоть весь дом на буксир берут да к себе везут.

Утром дядя Слава запряг свою «телегу», и Марина отправилась в путь. К обеду была на месте.

Тетя Лида и дядя Слава уверяли, что живут в Москве. В собственной благоустроенной квартире. Но, как выяснилось, жили они на окраине небольшого подмосковного города, километрах в тридцати от столицы. Трехэтажный дом старой постройки с позеленевшей от времени крышей. Захламленный двор с огромными лужами и пеньками вместо деревьев. В подъезде воняло мочой. Благоустроенная квартира представляла собой двухкомнатное жилище с узкой — не развернешься — прихожей и тесной кухонькой. Дешевенькие, но свежие обои на стенах, старенькая, но хорошо сохранившаяся мебель, черно-белый телевизор на ножках. Санузел — крохотная каморка, куда еле вмещался унитаз. Это же и душевая.

Тетя Лида провела Марину в небольшую, с маленьким окном комнатенку. Кушетка, шкаф, книжная полка, трельяж, на полу — старый затертый коврик.

— Твоя комната! — произнесла она с видом, будто вселяла племянницу в царские палаты.

— Мне нравится, — скупой улыбнулась Марина.

О царских палатах она и не мечтала. Комнатка ее вполне устраивала.

— Давай располагайся. И на кухню. Ужин будем готовить.

Марине пришлось скрывать свое недовольство. Готовить она не умела да и не любила. Но скажи тетке такое, сразу же нарвешься на нравоучение — приличные девушки должны уметь вести домашнее хозяйство. Не говорить же ей в ответ, что у нее нет никакого желания быть приличной девушкой.

Май — месяц непредсказуемый. Вчера было холодно, с неба валил мокрый снег. А сегодня с утра солнце. К обеду все просохло. В парке зелено, сиренью пахнет. Красно-

та, короче. А то, что лавки грязные, так это ерунда. Спинки на скамьях широкие, покатые — самое то, чтобы задки на них мостить. Высоко сидишь — далеко глядишь.

А вдали парочка под парусами. Парниша в темном костюмчике и девка в светлом плаще. Смазливая бикса. Чисто березка. Загинай и ломай... Но Капрон никого заламывать не собирался. С хором девка, значит, занята. Ну, хахаля можно и под замес пустить, не проблема. Только тогда сам в раж войдешь. И уже не остановишься — тогда уж точно «березку» разлохматить придется. А это косяк. Не по понятиям — мохнатые сейфы вскрывать. Если менты за это дело закроют, тогда хана — на киче насильников опускают влет. Так что уж лучше не задирайтесь.

Капрон ловким движением выбил из пачки папиросу, сунул ее в рот, зубами смял мундштук. Полез за спичками. Но в кармане пусто. Посеял где-то чирки. Многозначительно глянул на Кнута. Может, он огоньком подогреет. Но кореш расценил его взгляд по-своему. Вскочил с лавки, перегородил путь парочке.

— Васек, прикурить дай! — хищно осклабился он.

— Я не Васек, — покачал головой парень.

Капрон внимательно смотрел на него. Крепенький с виду чувак. Высокий, не слабого сложения. Черные курчавые волосы, вывеска не хилая — мощные надбровные дуги, широкий подбородок с ямочкой. Взгляд прямой, борзоватый. Он не боялся Кнута. И его кенты — Капрон и Анисим — нисколько его не смущают. За фраеров он, что ли, их держит? Капрон почувствовал, как закипает в жилах кровь.

— Сказал Васек, значит, Васек... — продолжал наезжать Кнут. — Прикурить, говорю, дай!

— Не курю!

— Ты чо, тупой, в натуре? Тебе чо, ума дать?

Капрон сунул руку в карман, нанизал на пальцы каскет. Вместе с ним со своего места подорвался и Анисим. Нехорошо втроем на одного. Но еще хуже, когда васьки да ваньки борзеть начинают. Нет чтобы сказать, типа, извините, пацаны, не курю. А то — НЕ КУРЮ!

Кнут уже готов был пустить в ход кулаки. Но он ждал, когда Анисим пойдет к жертве с тыла.

— Так тебе прикурить дать?! — изумленно протянул парень.

И тут же подался вперед — резким и свирепым движением боднул Кнута лбом в нос. Убойный удар. Капрон аж вздрогнул — настолько все произошло быстро и неожиданно.

Но замешательство длилось мгновение. Вот уже его шипованный кулак летит в цель. Бить он умеет — сколько народу перемолотил. Но сегодня ему явно не фартило. Жертва никак не хотела становиться жертвой. И вывеску свою под удар подставлять не собиралась.

Парень ловко уклонился в сторону, и кастет разорвал лишь пустоту. Капрон стал отводить руку назад, но та вдруг оказалась в жестком захвате. Резкая боль, хруст сломанной кости... Капрон стиснул зубы, чтобы не выпустить наружу протяжный вопль...

Фраерок решил, что с ним покончено. Отпустил его, чтобы заняться Анисимом. А тот облажался. Нет чтобы наброситься на бугая с кулаками в тот момент, когда тот ломал Капрона. Напал бы со спины да вломил бы загривку. Так нет — за выкидухой полез. Пока раскнопил перо, время прошло. И когда он пустил в ход свой нож, черт был уже на стреме. Ловко взял Анисима на прием, эффектно швырнул его через бедро и с такой силой припечатал кулаком к асфальту его башку — как только мозги через уши не вылезли.

У Капрона была сломана рука, мозги плавилась от боли. Но все же он не вышел из боя. Пока ломом опоясанный фраер занимался Анисимом, он вытащил из кармана кнопарь, выщелкнул лезвие. И с пикой наголо ринулся на противника. Но, увы, тот успел среагировать. Нож вспорол лишь материю на его пиджаке... И вторая рука оказалась в жестком захвате. Прием, бросок, удар...

Когда Капрон пришел в себя, виновника его позора на месте уже не было. Сам ушел и подругу свою увел. Кнут сидел на траве под кустом — держался руками за раздавленный нос, кусал губы. Анисим тоже оклемался,

но с земли еще не поднялся. Над глазом надувается огромная шишка. В глазах боль и недоумение.

— Бляха, как последних бакланов сделали, — простонал Кнут.

— Ты же сам... Тьфу ты! — Капрон выплюнул изо рта обломки передних зубов. — Ты же прикурить хотел... Вот нам и дали... А этого козла мы еще встретим...

— Попишу, суку! — зло прошипел Анисим.

— А ту шалаву на кукан, — решил Кнут. — Бля буду, распашу вдоль и поперек!

— А плуг, смотри, не сломай, да!

Капрон был зол и на парня, и на его девку. Первого он готов был убить. И убьет — придет время. Тот хоть и крутой, но если втихую зайти к нему со спины да темной ночью, он даже дернуться не успеет, как перо про ткнет ему почку... И девку можно кончить, если она в тот момент рядом с ним окажется. А лохматить ее не надо... Правильный пацан может убивать, а насиловать — ни-ни...

А Капрон был правильным пацаном. Три года он мотал срок на зоне. Колония называлась детской, но понятия там совсем не детские. Там он жил чисто по понятиям. Там его братва держала за правильного пацана. Там ему и объяснили, что нужно делать с борзыми фраерами. Поднял руку на честного вора — вешайся сам или получи чай перо под ребро...

Рука под гипсом ныла и взывала о мести. Но Капрон даже не знал, кому мстить. Где живет обидчик? Как его зовут? Эти вопросы оставались без ответа. Но ничего, рано или поздно он выйдет на борзого фраера, спросит с него за все.

А Кнут больше думал о бабе. Поймать и отыметь. И, похоже, месть здесь была ни при чем. Чесалось у него одном месте не слабо. Тонька Снегурка могла бы ему почесать. Но ее, как назло, в диспансере закрыли. Мужика какого-то триппером заразила, а тот взял да вложил ее. Вот и отправили девку на принудительное излечение.

А Кнуту нейдет. На баб как собака бросается. Те от него шарахаются, как от чумного.

— Во, гля, какая бикса шпарит! — взбудораженно толкнул он Капрона локтем.

— Заманал, в натуре! — не выдержал тот.

Достал его этот озабоченный.

Они сидели в ржавой железной беседке во дворе дома, где жил Анисим. На земле по центру деревянный ящик, на нем два «огнетушителя», граненые стаканы. Надо же было чем-то заняться от не фиг делать. Заодно и боль заглушить. У Капрона рука ноет, у Кнута болит сломанный нос, у Анисима до сих пор башка гудит после удара.

— Да ты глянь, глянь! — не унимался Кнут.

Капрон повел взглядом в сторону, куда он тыкал пальцем. И увидел девчонку лет шестнадцати. Каштанового цвета волосы, смазливая мордашка, глаза — два иссиня-черных уголька. А фигурка... Старенькое платье с коротким подолом и длинными рукавами трещало по швам под натиском округлявшихся форм. Наливающаяся грудь, тонкая талия, ножки длинные, стройные... Да, на такой крале можно глаза оставить. А Кнут еще и болт свой за ней вприпрыжку пустил. Не удержался и сам за ней ломанулся. Капрон также не мог удержаться на месте — двинулся вслед за ним.

Кнут обогнал девчонку, перегородил ей путь.

— Привет!

Глаза у пацана горят, слюнки текут.

— Тебе чего? — спокойно спросила девчонка.

Вид у Кнута устрашающий. Морда лица такая — слабонервным на него лучше не смотреть, а то ночью кошмары замучают. Да и дерганный он очень. Особенно когда волнуется. Плечи ходуном, руки вразлет. Такое ощущение, что вот-вот ударит собеседника... А девчонка смотрит на него и хоть бы хны. Ни малейшего испуга во взгляде. Только интерес и удивление.

— А ты что, живешь здесь? — спросил Кнут.

— Живу. Уже три дня. А что?

— Да не видел я тебя раньше, вот чего. Как зовут?

— Марина.

— Тебя никто не обижает, Маринка?

— Нет.

— А могут обидеть. Но если ты будешь со мной дружить, тебя ни одна падла не тронет.

— Даже ты?

Кнут напряг мозги. Не может понять, то ли девчонка хочет с ним дружить чисто по-детски, типа без рук, то ли она его самого за падлу держит.

— Ты это, короче, ты давай меня не напрягай, да! — скривился он.

— Что, сразу давать? — усмехнулась она.

— А чо, можно и сразу! — встрепенулся Кнут. — Прям щас можешь и дать!

— Что, прямо здесь?

— Ну зачем здесь? Тут местечко одно есть. За гаражами. Травка зеленеет, солнышко типа блестит, да...

— У меня платье чистое, можно испачкаться. — Маринка сказала это с таким видом, как будто уже дала согласие лечь на спину и раздвинуть ноги.

У Капрона внутри все поднялось. Ладно, пусть сначала будет Кнут, раз уж он смог раскрутить девку. А потом будет его очередь. А может, Кнута за собой в очередь поставить? Дать в рог, чтоб не бурел, и задвинуть. Уж больно девка смачная. Тонька Снегурка по сравнению с ней Баба Яга.

— Так это, что-нибудь придумаем, чтоб не испачкаться.

Возбужденный Кнут схватил Маринку за руку, чтобы тащить ее за гаражи. Но та уперлась. Вырвалась.

— Да подожди ты, не спеши! Я так просто никому не даю!

— А как не просто? — озадачился Кнут.

— Давай в карты сначала сыграем. Если выиграешь, я вся твоя.

Капрон криво усмехнулся. Он знал, что Кнут помешан на картах не меньше, чем на бабах. Если он играет, то у него шесть тузов в одной колоде. А что Маринка в картах понимает? Стопудово проиграет. Тогда уж точно

трусы придется снять. Да она и сама это понимает. Поэтому и предложила вариант с картами. Типа она порядочная девка, поэтому без предлога не отдается. Раз уж она такая порядочная, то придется порядок очередности выстроить. Первым будет Кнут, за ним Капрон, а третьим — Анисим. Кстати, порядок очередности можно на тех же картах разыграть. Кому первым туз из колоды выпадет, тот первым и вздрючит эту шалашовку.

— Так ты чо, в стире шпилиться? — осклабился Кнут.

— Как ты сказал? — непонимающе посмотрела на него Маринка.

— Ну, стире — это карты.

— А шпилиться?

— Ну, играть, значит. А можно и без карт шпилиться. Ты это дело любишь?

— Обожаю! Но сначала ты меня на стирах попробуй отшпиль! Сможешь?

— А если смогу?

— Тогда меня отшпилишь. А если нет...

— Тогда что?

— Тогда тебя самого отшпилят.

Маринка сказала это почти ласково. Но Кнут дернулся так, как будто ему вставили.

— Чо ты сказала? — набычился он.

Но девчонка даже глазом не повела.

— А как ты хотел? Баш на баш. Зуб за зуб, очко за очко!

— Фью! — восхищенно присвистнул Анисим. — Ну и ну!

И сам Капрон глядел на Маринку другими глазами. Не как на малолетнюю шалаву, а как на отчаянную девчонку.

— Ты чо, гонишь? — вспылел Кнут.

— А разве не ты первый гнать начал? Не ты ли дурака под кожу загнать хотел?

По фене выражение «загнать дурака под кожу» означало половой акт. Оказывается, Маринка и по фене бо-

тать умела. Капрон смотрел на нее широко распахнутыми глазами. Он был очень удивлен.

— Кнут, в натуре, ты не быкуй, не надо! — влез в разговор Анисим. — Тебя же под болт не ставят. Тебе стирь предложили кинуть. Если боишься, откажись, да!

Капрон хотел сказать примерно то же самое. Но промолчал. Не хотелось шепелявить перед Маринкой. Зубы-то он себе еще не вставил. Не успел. Хотя золото на фиксы имелось. Колечко паленое завалилось, как раз на два зуба.

— Кто боится? — вспенился Кнут. — Я боюсь?! Стирь так стирь, не вопрос! Можно прям щас и начать!

— Ты погоди, не гони лошадей! — Маринка мило улыбалась, но смотрела на него жестко, пронзительно.

Капрон не попадал под этот взгляд, но тем не менее даже ему стало не по себе. Ну и девка!

— Игра под очко — дело серьезное, — продолжала она. — А я тебя, извини, проткнуть не могу. Варианты обговорить надо бы.

— Обговорим, — вместо оторопевшего Кнута сказал Анисим.

Он был заинтригован не меньше Капрона.

— Если ты укатаешь Кнута, то мы его под Робика подставим.

Кнут встрепенулся. Он хорошо знал, кто такой Робик. Этот жулик четыре срока на зоне отмотал. Сейчас он уже не при делах. Но никогда не отказывает, если кого-то опустить надо. Говорят, на зоне он большим охотником до этого дела был. Как говорят и то, что он мог законным воров стать, но именно из-за этой страсти к мужским валторнам бродяги прокатали его на сходе.

Анисим посмотрел на Капрона, и тот кивнул в знак согласия.

— Э-э, пацаны, вы чего! — ошалел от такой постановки Кнут.

— Брат, тебя же никто не заставляет в это дело вмазываться, — резонно заметил Анисим. — Если боишься, давай обратку, и все дела.

— Я давай?! — взвился Кнут. — Это она будет давать!

И в хвост, и в гриву! Ты слышишь меня, сука! — вызверился он на Маринку.

— Слышу, — невозмутимо отозвалась та.

Железная девчонка. Капрон смотрел на нее с нескрываемым уважением. Кнут чувствовал, что братва больше поддерживает ее, а не его, и оттого злился еще больше.

— Тогда начнем!

Кнут вытащил из кармана колоду карт.

— Не пойдет, — мотнула головой Маринка. — Чует мое сердце, колода у тебя заряженная.

— А что ты своим очком чуешь?

— Нехорошо так говорить, — укоризненно и вместе с тем проникновенно посмотрела на него девчонка.

И Кнут присмирел под этим взглядом. Похоже, неожиданно для себя присмирел.

— Надо новую колоду купить, — сказала она.

Капрон многозначительно глянул на Анисима. Тот все понял и двинулся в сторону киоска «Союзпечать».

Но Маринку такой вариант не устроил.

— Пошли вместе.

Все правильно, в игре на шанс доверять никому нельзя. Купит сейчас Анисим новые карты да по-быстрому пометит их, и станет тогда колода кованой. Тогда девчонке хана — придется загибаться перед Кнутом. Ей ведь невдомек, что Капрону вовсе не хочется, чтобы Кнут каруселил ее. Он сам хотел закадрить ее. И не только ради забавы. Не баба, а наваждение какое-то.

В киоске продавались простые карты за рубль пятьдесят. Никаких других вариантов не было. Анисим отстегнул монету, сгреб колоду. Распечатал ее в том самом укромном уголке, о котором говорил Кнут.

Там действительно было классно. С одной стороны гаражи, с другой поросший зеленой травой пустырь. И безлюдно. Три пацана и одна девчонка. И эти три пацана могут сотворить с девчонкой все, что угодно. Без всяких карт. Конечно же, Маринка это понимает. Но ей хоть бы хны.

— В «очко»? — спросил Кнут.